

Андрей Андреев,
Александр Щуплов

СВЯТОСЛАВ, что сейчас происходит с культурой в России — мертвый сезон или многолетний летаргический сон?

— С культурой не происходит ничего страшного, наоборот, наблюдается некоторая ее интенсификация. Мне достаточно много приходится ездить по стране, и я с удовлетворением вижу, как оживает провинция. В свое время Франсуа Мориак написал развернутое эссе о французской провинции. Он писал, что Париж от провинции берет все, за исключением ее добродетели. Думаю, такая же модель выстраивается и во взаимоотношениях Москвы с провинцией. А у провинции действительно много добродетелей. Говорю об этом не понаслышке. Недавно мне довелось побывать в Рязани, которая на этот раз была столицей Дня славянской письменности и культуры. Этот единственный государственно-религиозный праздник проводился у нас пятнадцатый раз. Поэтому на нем звучали поздравления президента Путина и Святейшего Патриарха Алексия II. Вслед за этим я поехал в Казань, где проходил фестиваль русской классической музыки «Классика от Давидовфа». Основой фестиваля являлся оркестр «Молодая Россия» под руководством Марка Горинштейна. Фестиваль проводится в семи городах. Уже состоялись концерты в Екатеринбурге, Казани. С конца августа начались концерты в Волгограде, Саратове, Нижнем Новгороде, Петербурге. Завершится фестиваль в декабре в Москве. Любопытна модель фестиваля: в каждый из этих городов с оркестром приезжают исполнители с мировым именем — это пианисты Николай Петров, Николай Луганский, Денис Мацуев, скрипач Максим Федотов, виолончелист Александр Князев. Во втором концерте в этом же городе выступают местные молодые таланты. Например, в Казани это был 23-летний бас Михаил Казаков, завоевавший приз на последнем XVIII конкурсе Глинки (замечу, что жюри этого конкурса возглавляет великая Ирина Константиновна Архипова, которая разбирается в голосах как никто. Именно она открыла Хворостовского, Бородину и других, что сейчас составляет гордость нашей культуры). Кроме того, Михаил Казаков получил приз на конкурсе Елены Образовой. Так что две наши прославленные певицы сошлись во мне. В Москве же на фестивале выступят только провинциальные молодые артисты. Такая модель фестиваля дает молодым исполнителям большой шанс...

Много добрых слов мог бы сказать и о проходящем в Великом Новгороде конкурсе имени Сергея Рахманинова. Художественный совет которого возглавляет Михаил Плетнев...

— Кто в провинции является нравственным авторитетом, совестью России?

— В российских провинциальных городах всегда были и есть подвижники. Их усилиями в России культура всегда двигалась. Недаром Дмитрий Лихачев назвал библиотекарей, музейщиков «последними святыми на Руси». Немало среди «последних святых» тех, кто сейчас занимается обустройством культуры и облегчает бытование культуры на местах. Большинство среди них — это тоже русская традиция! — женщины. Например, в чудном городке Осташкове уже больше десяти лет проводит свой фестиваль Ирина Константиновна Архипова. При том, что у нее есть все возможные в нашей стране звания, титулы и ордена, званием «Почетного гражданина города Осташкова» она гордится больше всего. По зову Архиповой на этот фестиваль приезжают самые именитые наши певцы и инструменталисты, а также талантливая молодежь, которую она же и открывает. Нынешним летом в Осташков приехали Тамара Синявская, Муслим Магомаев. Василий Лановой читал Пушкина. Такой фестиваль сделал бы честь и Москве. Впрочем, в Москве немало людей провинциальных — провинциальных не по своему происхождению, а по своему кругозору, по масштабу личности. В то же время в провинции мне не раз приходилось встречать людей со столичным, державным кругозором, интересующихся всем, что происходит в стране, в мире, живущих интенсиной духовной жизнью.

— На ваш взгляд, взгляд постоянного участника и ведущего программ на ТВ, каково место культуры на телевидении?

— Обратная связь ТВ со зрителем говорит о том, что люди из провинции в немалой степени расширяют свой кругозор с помощью телевидения. Могут об этом судить по тем письмам, которые приходят в адрес телеканала «Культура», где я веду программу «Шедевры мирового музыкального театра». Из Ярославля, Костромы приходят письма, где иногда можно обнаружить весьма научный анализ исполнения партии Паваротти или Доминго и разъяснения, почему зрителю больше нравится именно Доминго. Люди проводят сравнительный анализ и демонстрируют не только эрудицию, но и очень тонкое знание музыки. Сейчас мы дошли до таких изысков, что показываем одну и ту же оперу в постановках разных театров — скажем, «Ковант-Гарден» или «Ла Скала». Счастье, что у нас существует канал «Культура». Несчастье, что его могут принимать только до Урала, но сейчас канал вышел в Интернет. Это, конечно, расширяет возможности. Пресс-коммерциализации оказал на наше телевидение не менее пагубное воздействие, чем та страшная советская цензура. Пресс-коммерциализация вытеснил настоящую культуру. Это относится и к музыке, и к литературе, и к театру.

— Нуждается ли сейчас наша культура в государственных опекунах и частных меценатах?

Святослав Бэлза с друзьями Григорием Гориним, Зиновием Гердтом и Владимиром Свищовым (слева направо), Май 1996 г.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

О встречах с Грэмом Грином и другими великими стариками рассказывает Святослав Бэлза

— Конечно. В советское время мы привыкли, что меценатом было государство. В новой ситуации возникла какая-то растерянность. Сейчас ясно, что государство не может быть единственным меценатом. Нужны спонсоры, покровители искусства. Есть такое хорошее слово, которое я впервые услышал от Патриарха Алексия II, а потом обнаружил его и у Дала, — «заботник», от слова «заботиться». Нужны заботники! В связи с этим поражаюсь, почему так долго и так мучительно проходит и до сих пор не принят закон о меценатстве. На сегодняшний день наше законодательство враждебно меценатству. Я говорил со многими людьми, включая тех, от которых зависит принятие этого закона, — и все на словах его поддерживают. На Западе человек, вкладывая средства в культуру, освобождается от некоторых видов налогов. Кроме того, этот человек или фирма получает славу, рекламу...
— Кто из наших государственных мужей смог бы справиться с ролью опекуна оперы и балета?
— Это не может быть один человек.

— Ходили слухи, что наша театральная система будет существовать под патронажем Людмилы Путиной...
— Это было бы хорошо. Потому что, к примеру, в дореволюционной России существовала Дирекция императорских театров и высшим званием было — солист императорского театра. Звание это носили и Шаляпин, и Собинов... Театральное искусство находилось под покровительством императора, который давал на поддержание его из казны достаточное денег. Сейчас патронирование президента, его супруги, премьер-министра, если он захочет, — может стать большой поддержкой, в том числе моральной. Хотя в достаточном количестве денег на Большой или Мариинский театры, на библиотеку РГБ или имени Салтыкова-Щедрина не хватит ни у президента, ни у правительства, ни у моего друга Михаила Швыдкого.
— Кстати, какому из искусств отдаст предпочтение ваш друг Михаил Швыдкий?
— Известно, что он театровед. Но сейчас должен любить все. И ему как раз тяжело всего. Если размеры пирога определяет государство, то в его ведении — разрезать этот пирог на немалое количество кусочков, часть из которых нужно руководствоваться и вкусом, и справедливостью. Я верю в опыт Михаила Ефимовича. Он знает механизм этого во многом запущенного хозяйства.

— Но ситуация в сфере культуры и далеко не столь трагична, как иногда пытаются ее представить. Наши прославленные мэтры стараются не жаловаться на нехватку бюджета и создают оркестры, делают новые программы. Вокруг каждой крупной по своему масштабу фигуры образуется магнитное поле, и под воздействием этого магнетизма власти приходят к разным картинам. Есть области, где губернатор благоволил к культуре — и вся чиновничья рать и предприниматели ведут себя соответственно. А есть губернаторы, глухавые к нуждам культуры. Например, я знаю одну губернию, где губернатор честно признается, что музыку не любит. Тем не менее в его губернии регулярно проходят фестивали серьезного масштаба. Он понимает, что должен присутствовать на открытии и на закрытии таких мероприятий, произносить приветствие, что это для него большая честь. В какой-то мере мне кажется, ему даже стыдно за свое непонимание музыки. Может быть, так воспитается у этого губернатора вкус и слух. В то же время я вижу, как гордятся губернаторы, если их театры получают «Золотую маску», как это случилось с Красноярским театром. Когда в связи с 850-летием столицы проходил конкурс «Большой приз Москвы» под эгидой Ирины Архиповой, помнитесь, мэры и губернаторы не просто гордились молодыми артистами из своих областей, но и материально обеспечивали эту гордость — учредили свои призы... Все держится на подвижниках. Мы знаем, как непросто было Евгению Колобову создавать Российский национальный оркестр, который сегодня один из лучших в мире.

— На какие культурные акции и премьеры вы бы обратили внимание читателей «НГ»?
— С особым чувством мы будем ждать премьеры в Ленкоме пьесы Григория Горина «Шут Балакирев», потому что это событие приобретает завещательное значение. После ухода Зиновия Герлта и Юрия Никулина смерть Григория Горина самая болезненная для меня: он был ценен не только как писатель, драматург. У Гриши был поразительный дар доброты и иронии. Иной раз это была горькая ирония, недаром он себе выбрал такой псевдоним. Вообще ему была свойственна какая-то мурлыка. Я не знаю, реализуется ли его замысел-либретто оперы для Алексея Рыбникова о русском композиторе Максиме Брезовском. Это очень заметная, рождественская и вместе с тем незабываемая забытая фигура. Вслед за Вернадским с его термином «ноосфера» Гриша придумал замечательный термин «ноосфера», поскольку был убежден, что великая музыка, как и великие мысли, витают в некой сфере. Как Шопен слышал музыку и только ее записывал, так и Рыбникову необходимо услышать музыку Брезовского.
— Нужно прислушиваться к словам музрецов, к словам учителей жизни. Один из них, фантастический писатель, ребенок, фило-

лог... Но предпочел остаться в Магадане. Он страшно обижался на этот город, власти которого не дали ему к 90-летию звание «Почетный гражданин города», и поэтому не пошел на празднование собственного юбилея, который проводился в городском театре. Козин жил в свое время в крошечной однокомнатной квартире. Это было действительно жилище отшельника — все забито папками, кассетами, книгами. К его юбилею город выкупил соседнюю квартиру и оборудовал ее. Там-то и был, о чем извещала табличка. «Салон Валима Козина». Флот ему подарил красный рояль, и прославленный старик, принимая гостей, выглядел за ним очень колоритно. Он был одет в свитер, поверх свитера — блейзер, но так как ноги уже были стариковские и требовали тепла — ходил в валенках. Очень любил глагол «клокнуть» — и мы с ним клокали водочку. Козин ставил свои пластинки или кассеты, а потом — хотя голоса-то уже не было — все равно садился к роялю и пел. Пел душой. У него жила женщина, которая приехала к нему из Караганды, бросив семью, чтобы служить ему из преклонения перед его талантом. Еще я очень горжусь тем, что дружеское расположение к моему папе перенес на меня Иван Семенович Козловский. Таких людей очень не хватает для всей атмосферы нашей жизни...

— Расскажите о вашем знакомстве с Грэмом Грином.
— Мне повезло на встречи с великими стариками, с теми, кто по-настоящему составляет гордость культуры XX века. Мне судьба подарила много встреч со знаменитыми писателями. Самая главная удача моей жизни — это встреча и, смею сказать, дружба с Грэмом Грином — может быть, с последним классиком XX века. Я в то время был обозревателем «Литературной газеты». Мы многократно встречались в Москве, я сопровождал его в некоторых поездках, например в Киев, приезжал по его приглашению к нему в Антиб, где он жил почти четверть века. Я в то время готовил его собрание сочинений для издательства «Художественная литература». К сожалению, Грэм Грин не дождался его выхода, но успел одобрить состав.

У Грина есть эссе, не вошедшее в собрание сочинений, которое называется «Потерянное детство». Оно написано в 1947 году, и в нем писатель говорит о том, что только книги, прочитанные в детстве, в молодости могут оказывать влияние на судьбу. Книжки, которые читаешь потом, могут лишь расширить кругозор, что-то прибавлять. Но влиять на судьбу могут только первые книги. Грин показал это на своем собственном примере. В детстве он прочитал «Дочь Монтесумы», и впоследствии, в 1940-м, этот роман привел его в Мексику, где он написал один из своих лучших романов «Власть и слава». А «Копи царя Соломона» Генри Райлера Хагарда привели его в Африку, где он жил и творил в годы войны. Во время одной из наших встреч с Грином я вспомнил, что, когда заканчивал английскую спецшколу в Сокольниках, мне подарили только что вышедшее издание «Тихого американца» — со-

ответает: «Да, а вчера такая мерзость была». И вдруг из бывшего уровня первая поднимается до философских высот: «Жаль тех, кто умер вчера, — таких, как Иван Козловский, Зиновий Герлт, Юрий Никулин, Евгений Леонов, Олег Борисов. Меня с ними сводила судьба, и я благодарен ей за это. А теперь к этому печальному списку добавился Григорий Горин. Но, как нам завещал поэт, «не будем говорить с тоской — их нет, но с благодарностью — были».

Я делал беседу с Рудольфом Нуревым. Один мой знакомый пригласил меня на обед, сказал, что будет Рудольф, но на интересующий меня не следует: он человек капризный. В ходе обеда я постарался его как-то расположить к себе, и, когда заикнулся об интервью, он неожиданно согласился. Когда пригласил съемочную группу, Нурев преобразился, превратился в великого

С Анной Чеховой и Иваном Козловским. Фото Евгения Бурмистрова

С Грэмом Грином в Антибе. Фото из семейного альбома

должно быть надстройкой. Если такая модель осуществится, то и культура заживет легче, ибо культура — это не просто удовольствие досуга, это неперемное условие существования человека, который заботится о своей душе.

— Какие встречи остались в вашей памяти?
— Я много ездю по стране, был всюду — от Калининграда до Южно-Сахалинска. Успел выпить водки со знаменитым Валим Козиним: я дважды у него был — один раз с молодыми артистами, другой — с более маститыми. Валим Козин прощел через лагерь. После отсылки он мог бы выбрать себе для жизни любой город: Москву, Петербург,

артиста — надел свое знаменитое пончо, береточку, очень тщательно выбирал место, где мы с ним сидим...
Еще в моем доме жил Зиновий Герлт, и я страшно этим гордился. У него помимо всего прочего был поразительно «зоркий слух». Он мне рассказал такую историю: однажды прилетел в Одессу. Погода была мерзкая, промозглая, дождливая. Выпил чашечку волки, свернулся калачиком в гостинице, поверх одеяла накрылся кое-как пальто. Утром просыпается, солнышко светит, природа улыбается. Герлт вышел на улицу. Стоят две старухи одеситки. Одна другой говорит: «Смотри, какая сегодня погода замечательная». Вторая

школьной печатью, с подписью директора школы казенного содержания. Наверное, эта книга, сказал я Грину, тоже как-то предопределила нашу будущую встречу. И он, любя сюжеты, которые подкашивала сама жизнь, странно обрадовался этому рассказу и сделал на той книге вторую надпись: «Слава, как тому школьнику». Это было очень трогательно. Вообще Грин был великий человек. Один из его романов называется «Человеческий фактор». Помните, это выражение было очень популярно в годы перестройки, хотя многие, наверное, не знали, что автором его является Грэм Грин. Вот этот человеческий фактор для Грина был важнейшим...